

Тихомирова Елена Николаевна

Сильные сердцем

Рассказы и сказки

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-053.2
ББК 84-4
Е50

Е50 **Елена Николаевна Т.**
Сильные сердцем: Рассказы и сказки / Тихомирова Елена Николаевна – М.:
Книга по Требованию, 2022. – 72 с.

ISBN 978-5-519-76860-3

ISBN 978-5-519-76860-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

какъ ей рѣшиться идти въ домъ, откуда ее выгнали. Мать ея ушла къ патеру стряпать рождественскій ужинъ. Вдругъ Мемма вскочила, набросила большой платокъ на голову и побѣжала къ дому Карлетти. Когда она приближалась къ дому, походка ея была тверда, лицо спокойно.

Бабушка Бригитта мелькомъ взглянула на нее, ничего не сказала и отвернулась.

— Вотъ и ночь,—произнесла одна изъ присутствующихъ, когда на сельской колокольнѣ прозвучалъ колоколъ, призывая къ вечерней молитвѣ.

Всѣ женщины опустили на колѣни и закрыли лица руками.

Огонь на очагѣ весело разгорался. При свѣтѣ его видны были столы, скамьи и ткацкій станокъ у двери. Въ углу лежали мѣшки съ сухимъ льномъ, въ глубинѣ комнаты помѣщалась кровать, на которой лежалъ Дора съ блѣднымъ, измученнымъ лицомъ.

Колоколъ звонилъ и звонилъ призывно.

Окончивъ молитву, старухи поднялись.

— Пора и начинать! — повелительно сказала Бригитта.

Бабушка подвела бабъ къ окну и освѣтила лампочкой ленъ, изъ котораго надо было выпрясть, выткать и сшить рубаху больному.

Мемма схватила самый большой мѣшокъ со льномъ и перетасила его на середину хаты. Бабы вытащили сюда же другіе мѣшки, вынули изъ нихъ ленъ и принялись его трепать. Пыль наполнила хату.

— Довольно,—скомандовала Карлотта.

Всѣ стали складывать пряди льна на стуль.

— А теперь принимайтесь за гребни и живо чешите ленъ,—добавила Карлотта, взявъ на себя роль распорядительницы.

Работа кипѣла. По два широкихъ гребня привязали къ концамъ двухъ скамей, и каждая изъ бабъ хотѣла приниматься за работу, но всѣ только безъ толку суетились.

— Легче, легче, сосѣдка,—командовала Карлотта.—Ты, Кандора, становись къ этому гребню, напротивъ тебя — Мемма. Къ другой лавкѣ стануть Рыжая и Бетти. Вотъ такъ,—ладно. Вы чешите и подавайте намъ мочки, а мы будемъ вить на прялки.

Когда кудель была готова, стали ее прядь.

— Прядите толще, дѣло пойдетъ скорѣй.

Веретена быстро закружились.

— Что же, бабушка,—послышался голосъ Дора,—поспѣете?

— Поспѣемъ, Богъ дастъ, поспѣемъ!..

По голосу, больше чѣмъ по словамъ, Мемма поняла, какую мучительную пытку испытываетъ Дора; она поняла, какъ страстно хочетъ опъ жить, какъ боится обмануться въ своей надеждѣ на исцѣленіе.

Нитки были готовы.

Теперь со шпuleкъ надо было ихъ перемотать на катушки, потомъ наладить пряжу на ткацкій станокъ. Работы было еще много.

Всѣ работали молча и сосредоточенно.

Всѣхъ ловчѣе работали Мемма и Карлотта.

Когда все было приготовлено и прилажено на станкѣ, Карлотта весело сказала:

— Молодцы мы съ тобой, Мемма!

Карлотта не безъ гордости окинула взглядомъ исправно снаряженный станокъ.

Мемма была довольна собою. Теперь она уже не украдкой, а улыбаясь, смотрѣла на Дора. Если рождественская рубаха спасетъ Дора, то онъ ей, Меммѣ, будетъ обязанъ этимъ.

Старушки начали отставать отъ работы. Нѣкоторыя изъ нихъ придвинулись поближе къ очагу и задремали.

— Эй, вы, сонн, нечего дремать, некогда терять время... Ну, кто сядетъ къ станку? Мы съ Меммой довольно ужъ наломали себѣ спину и руки, теперь вашъ чередъ!

Пока бабы толпились и спорили, кому приниматься за работу, Мемма проворно сѣла за станокъ и принялась ткать. Если кто предлагалъ смѣнить ее, она только мотала головой и проворно дѣйствовала челнокомъ.

— Эта дѣвушка будетъ знатной работницей, такихъ золотыхъ рукъ я сроду не видывала!—говорила Карлотта бабкѣ Бригиттѣ.—Я тебѣ говорю, бабушка, безъ Меммы мы и до сихъ поръ возились бы еще со шпульками.

На этотъ разъ бабушка соблаговолила одобрительно кивнуть головой и понесла питье внуку.

— Ну, что, какъ подвигается дѣло, кончите ли работу?—спросилъ съ тревогой больной.

— Кончимъ, кончимъ,—почти увѣреннымъ тономъ сказала бабушка,—слышишь, ужъ ткутъ.

Мѣрные удары станка ясно слышались. Изрѣдка они прерывались, когда Меммѣ приходилось уда-

лить узелокъ на ниткѣ. Въ эти промежутки слышались разговоры бабъ, которыя попивали вино, предложенное хозяйкой.

Меммѣ тоже поднесли стаканчикъ. Она только отхлебнула и продолжала работать.

— Выпей, дѣвка, выпей! — потчевала ее сама бабушка Бригитта.

Дѣвушка поспѣшно выпила. Вниманіе бабки ее ободрило, и она еще ретивѣе принялась за работу.

— Вотъ и соткано!

— Богъ тебя благословить за это! — слышался хриплый голосъ больного.

Услышавъ эти слова, Мемма вспыхнула, и двѣ крупныя слезы скатились на работу. Въ эту минуту пробили часы на церковной башнѣ.

— Десять часовъ, черезъ два часа и полночь, надо къ этому времени сшить рубаху!

— Времени хватить! — радостно сказала бабушка Бригитта. — Благодарю Тебя, Пресвятая Мадонна!

Мемма тоже шептала молитву.

Пока старушки снимали полотно со станка, Мемма сидѣла блѣдная, обезсиленная напряженной работой, но улыбающаяся, такъ какъ теперь она была увѣрена, что Дора будетъ спасенъ.

Передъ Меммой стояла бабушка Бригитта. /

— Послушай, — обратилась она къ дѣвушкѣ, — безъ тебя намъ не копчить бы рубахи, но я не хочу, чтобы ты работала даромъ, я тебѣ заплачу.

Эти слова поразили въ самое сердце Мемму. Она не могла больше сдерживаться и горько заплакала.

Больной тяжело застоналъ и обернулся къ стѣнѣ.

Тѣмъ временемъ Карлотта скроила рубашку.

— Ну, бабушка, давай намъ иголки. Я буду шить станъ, а Розалія и Рыжая пусть шьютъ рукава.

Бабушка подала игольникъ. Высыпавъ изъ него иголки, женщины выбрали три самыя тоненькія, но ни въ одну изъ нихъ не лѣзли толстыя нитки, какъ ни старались бабы.

— Нѣтъ ли у тебя нитокъ потоньше, а то эти не годятся!

— Есть-то есть, да, вѣдь, надо непременно шить тѣми же нитками, что направили сегодня, а у насъ нѣтъ больше ни клочка льна.

— Какъ же быть?

Бабушка поблѣднѣла отъ страха.

— Что же намъ дѣлать?—бормотали растерянно бабы.

Бабушка Бригитта умоляла придумать что-нибудь.

— Бѣдный мой малый, — жалобно говорила она, — бѣдный паренекъ!

Страхъ и смятеніе постепенно овладѣвали всѣми гостями, и вмѣстѣ со страхомъ ихъ начали мучить разныя примѣты и предразсудки.

Если работа, которая такъ хорошо шла сначала, вдругъ не заладилась, значить, Богъ не хочетъ, чтобы она продолжалась. Если же Богу не угодно, значить, пытаться ее кончить будетъ грѣхъ, смертный грѣхъ.

Старухи сидѣли, какъ пришибленные, съ помертвѣвшими отъ страха глазами, а съ постели раздавался ~~удушливый~~ хриплый кашель Дора.

Сосѣдки одна за другой, собравъ свои веретена и прялки, потихоньку уходили.

Бригитта осталась одна съ умирающимъ внукомъ.

— О, Пресвятая Дѣва Марія, прибѣжище наше!— воскликнула бабушка Бригитта, встала на колѣни и усердно начала молиться передъ изображеніемъ Мадонны.

Долго она молилась и плакала.

Вдругъ ей послышался шорохъ въ хатѣ. Она подняла голову и увидала, что кто-то сидитъ на лавкѣ передъ лампадкой и проворно махаетъ правой рукой.

— Кто это?—окликнула старуха.

— Это я,—тихо отвѣтила Мемма, не отрываясь отъ работы.

Бабушка хотѣла-было подойти къ Меммѣ, но ей было невыразимо стыдно и больно, что она такъ оскорбила самоотверженную дѣвушку. Нѣсколько разъ она горестно вздохнула. Эти вздохи облегчили ея сердце, и она ласково поглядѣла на Мемму.

— Бабушка, мнѣ осталось одинъ только рукавъ вшить, и рубаха готова,—взволнованно проговорила дѣвушка.

— Гдѣ же ты иголку взяла?—рѣшилась, наконецъ, спросить старуха.

— Дома...

Она произнесла это такъ просто, какъ-будто домъ ея былъ тутъ же рядомъ, а между тѣмъ бабушка Бригитта знала, какъ далеко она живетъ.

Когда, часъ тому назадъ, Мемма увидала, что толстыя нитки не лѣзутъ ни въ одну изъ иглокъ,

она быстро накинута платокъ и бѣгомъ пустилась домой. Ноги ея по колѣни вязли въ снѣгу, вѣтеръ рвалъ съ головы платокъ, но Мемма бѣжала, что было силъ.

Добѣжавъ до дома и войдя въ комнату, Мемма увидала, что мать ея еще не возвращалась. Тогда она въ потемкахъ отыскала толстую иглу, которою шила мѣшки, заколола у себя на груди и еще быстрѣе помчалась въ обратный путь.

Назадъ идти, подъ гору, было еще труднѣе, ноги скользили, не разъ падала она, но тотчасъ же вставала и бѣжала скорѣе и скорѣе.

Прошло одиннадцать.

— Одинъ часъ остался! ☹

Проворно вошла она въ хату и тотчасъ же принялась за шитье.

Старуха безмолвно глядѣла на дѣвушку, которая ни на минуту не отрывалась отъ работы.

Отъ церкви долетѣлъ благовѣсть.

— Это „последній“, бабушка?..— послышался отчаянный голосъ съ постели.

Бригитта не успѣла отвѣтить, какъ Мемма проворно встала, встряхнула свою работу и радостно проговорила:

— Вотъ и готово!

Дора радостно улыбнулся.

— Ты мнѣ помоги, дѣвушка, а то я одна не справлюсь надѣть рубашку на Дорушку.

Дора самъ поднялся съ подушки, но отъ слабости упалъ бы, если бы Мемма не поддержала его. Тяжко было видѣть парня,—только кости да кожа. Онъ кашлялъ и дрожалъ, но лицо его улы-

балось, — и надежда, и присутствіе молодой дѣвуш-
ки его оживляли.

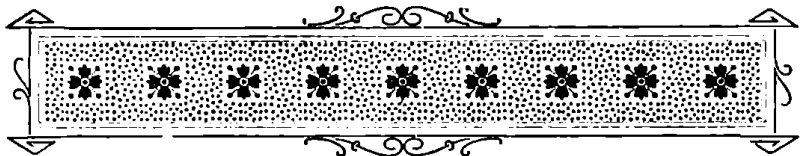
— О, Мемма, Мемма! — шепталъ онъ, когда жен-
щины, одѣвъ его, укрыли одѣяломъ.

„Бабушка“ склонилась надъ внукомъ, благосло-
вила его и ласково сказала:

— Да, Дорушка, кабы не она... кабы не Мемма...
Ну, да теперь Богъ милостивъ, ты скоро попра-
вишься... Я обоихъ васъ буду любить одинаково.

Молодые люди радостно глядѣли другъ на дру-
га; крупныя слезы текли по ихъ умиленнымъ ли-
цамъ.

ДОЛГЪ *).

Старый кузнецъ Лори былъ сегодня сердитъ. Обыкновенно онъ любилъ по окончаніи трудового дня посидѣть на крылечкѣ, погрѣться на солнышкѣ, выпить съ рабочими, прежде чѣмъ отослать ихъ домой, кружку-другую пива. Сегодня же онъ работалъ, не отрываясь до самаго ужина.

Старуха Марта, глядя на нахмуренное лицо мужа, думала:

„Что съ нимъ случилось? Ужъ не получилъ ли онъ дурныхъ извѣстій изъ арміи о нашемъ сынѣ?“

Однако, спросить объ этомъ мужа она не посмѣла, а старалась унять своихъ двухъ малышей, шумѣвшихъ вокругъ накрытаго стола.

За ужиномъ старикъ съ гнѣвомъ оттолкнулъ тарелку.

*) Разсказъ этотъ написанъ послѣ франко-прусской войны. Когда Эльзась и Лотарингія (прежде французскія провинціи) были присоединены къ Пруссіи, многіе изъ эльзасцевъ сохранили страстную любовь къ своей родинѣ. Когда полкъ зуавовъ былъ отпращиваемъ французскимъ правительствомъ въ Африку, многіе изъ эльзасцевъ, находившихся въ этомъ полку, бѣжали со службы и вернулись на родину.

— О, негодяи!... О, мерзавцы!

— О комъ ты говоришь, Лори?

Тутъ кузнецъ разсказалъ, что его такъ возмущало. Онъ видѣлъ нѣсколькихъ французскихъ солдатъ, которые, обнявшись съ нѣмцами, шатаются по городу. И каждый-то день, измѣняя Франціи, бѣгутъ изъ арміи, братаются съ нѣмцами и остаются у себя на родинѣ.

Марта старалась защитить ихъ:

— Нельзя ужъ очень строго винить бѣдныхъ малыхъ; ужъ очень далеко угнали ихъ отъ родины, тяжело имъ свыкаться съ чужой стороной, ну, они и пользуются всякимъ случаемъ, чтобы ускользнуть изъ арміи.

Лори изо всей мочи ударилъ кулакомъ по столу.

— Замолчи, глупая! Вы, бабы, ничего въ этомъ дѣлѣ не понимаете. Говорю тебѣ, что молодцы эти—негодяи и измѣнники и что если бы нашъ Христіанъ былъ способенъ на такую низость, то я зарубилъ бы его моею собственной саблей,—и это такъ же вѣрно, что меня зовутъ Жоржъ Лори и что я семь лѣтъ служилъ въ французскихъ стрѣлкахъ.

Вставъ изъ-за стола, кузнецъ указалъ на длинную саблю, висѣвшую надъ портретомъ сына, снятаго въ солдатской формѣ. Загорѣлое и честное лицо браваго солдата сразу успокоило расходившагося кузнеца, и онъ проговорилъ, смѣясь:

— Чего же однако я такъ раскипятился! Развѣ нашъ Христіанъ способенъ сдѣлаться пруссакомъ, когда онъ такъ храбро дрался за родину въ послѣднюю войну?..